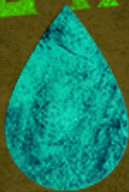

РОМАН СУРЖИКОВ

ЦАРЬ

Роман Суржиков
Плакса
Серия «Полари», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Новенькую поставили в пару с Плаксой. Очень разумно: никто другой не захотел бы стать плаксиной напарницей. Всякая откупилась бы, отдав старшим сестрам половину свечи или ломоть сыра. А новенькая прибыла лишь третьего дня, никого не знала, да и свечного огарка у нее не имелось, что уж говорить о куске сыра...

Роман Суржиков

Плакса

Август 1774 г. от Сошествия

Запад герцогства Альмера

Новенькую поставили в пару с Плаксой. Очень разумно: никто другой не захотел бы стать плаксиной напарницей. Всякая попыталась бы откупиться от подобного соседства, отдала бы старшим сестрам половину свечи или ломоть сыра. А новенькая прибыла лишь третьего дня, никого не знала, да и свечного огарка у нее не имелось, что уж говорить о куске сыра.

Сестра Джен привела новенькую прямо в тупик, где работала Плакса. Сестра Джен несла кувшин масла – предмет столь великой ценности, что Плакса сперва глянула на него, а лишь потом – на вновь прибывшую. Монашка подлила масла в лампадки, что висели на гвоздях, вбитых в опорные бревна. Огоньки затеплились ярче, выплюнули несколько искр. Сестра Джен указала правой рукой на новенькую, а левой, с кувшином, – на Плаксу: знакомьтесь, мол. Слов монашка не тратила.

– Меня зовут Нора, – сказала Плакса.

Тут же мысленно обругала себя: как глупо! Выбросила три слова, хотя могла обойтись одним! Вот новенькая именно так и поступила.

– Мия, – сказала она, склонив голову.

Плакса не помнила, чтобы кто-нибудь ей кланялся. Чуждая эта Мия.

Сестра Джен молча показала новенькой инструменты, дала лопатку, ткнула пальцем во влажную глинистую стену, замыкающую тупик: копай здесь. Мия кивнула. Сестра Джен показала также пару деревянных ведер. Новенькая должна была поочередно наполнять их землей, а Плакса – выносить полные ведра к вагонетке. Плакса от возмущения взмахнула руками: почему я?! Носить ведра труднее, чем копать, да и противно: приходится идти через темные – глаз выколи – коридоры. Пускай худшую работу делает Мия, она же новенькая! Но Мия как раз повернулась, лампадка осветила ее лицо, и Плакса получила ответ. Впалые щеки, черные тени под глазами, восковая кожа, костляво торчащие скулы. Мия была еле жива. Какое там ведро!.. Просто стоять на ногах – для нее уже подвиг.

Убедившись, что девушки поняли задачу, сестра Джен удалилась. Новенькая размахнулась и вогнула лопатку в стену. Лезвие углубилось на каких-то полдюйма, выковырнуло крохотный комок грунта – размером с девичью ладошку. Мия бросила в ведро эту горсточку, оглянулась, посмотрела вдоль коридора, что тянулся в тусклом отсвете огоньков. Мысли новенькой угадать было несложно: сколько же месяцев ушло на этот проход? А сколько десятилетий – на весь нижний круг с часовнями, трапезной, кельями, подъемными

шахтами, погребальными камерами?.. Горсточка за горсточкой, ведро за ведром... Подумать страшно. Судя по виду новенькой, ей оставалось жить меньше недели. Так что ее вкладом станут несколько дюймов коридора. Если очень повезет, целый фут. Мия не то усмехнулась, не то оскалилась, и вновь вогнала лопатку. Плакса перевернула пустое ведро, уселась верхом и принялась смотреть, как новенькая ковыряет стену. Хворая, – думала Плакса со злобной завистью, – ну надо же!

Вообще-то, Плакса слыла кромешной дурой, и не без причин. Никогда не умела понять своей выгоды, заметить светлую сторону, во всем видела лишь повод для жалоб. Взять хотя бы эту Мию. Да, хворая и слабая, с трудной работой не справится, причинит неудобства. Но зато она – новенькая! Значит, еще недавно была наверху! Наверху – там, где солнце светит! У нее же, тьма сожри, кучу новостей можно выведать! Что там творится? Засуха или наводнение? Война или мор, или голод? Может быть, в пору радоваться, что все мы – здесь, куда ни одна беда не доберется? Такую весть непременно нужно выяснить и всем передать! Одно это принесло бы рассказчице любовь и восхищение на целую неделю! Или, допустим, наверху – жаркое лето, изобилие, сочные запахи вишневого цвета и влажной листвы после дождя... Там – парни, загорелые, как щепки, поджарые и крепкие от работы в полях... Где-то в мире до сих пор есть мужчины!

О таком даже услышать радостно! А вдруг – мало ли – случилась чья-нибудь свадьба, и эта Мия ее видела. Да повстречать девушку, что неделей раньше была на свадьбе – почти все равно, что своими глазами увидеть праздник! Наконец, сама новенькая – кто она? Ведь может оказаться кем угодно! Скажем, пленной дикаркой с Запада: ее не продали в бордель – очень уж чахлая, а убить – пожалели. Или, допустим, девчонка баловалась ворожбой и сглазила сельского старейшину так, что у того неделю не проходила икота. А может быть, она – незаконная дочь пастора, или даже какого-нибудь богатея. Были у купчины два сынка и дочка-бастард. Помер купчина, и сыновья, чтобы лишней мороки не вышло, сплавил девчонку в пещеры. Наконец, – ведь всякое бывает! – возможно и то, что Мия пришла сама, по доброй своей воле! Разве не чудесно, не потрясающе было бы узнать такое?! А то, что новенькая вот-вот испустит дух, – лишний повод вызнаться все поскорее. Может быть, даже плюнуть на запрет, расспросить по полной. Посидишь денек в темени, повоешь от голода – зато сколько диковинок узнаешь!

Но Плакса думала лишь свое – мрачное, злое. Хворая, – думала Плакса. Вот же повезло! Ее теперь всякий пожалеет. Сестра Джен дала не ведро, а лопатку. За обедом, глядишь, отмерят Мие лишний кусок хлеба или половинку яйца. Бедняжке нужно кушать... Ишь!.. А еще – при этой мысли Плакса задохнулась от горечи – Мия сможет выпросить лишнюю свечу. Скажет: «Страшно умирать в темноте», – сестра Джен

сжалится и даст. Целую, черт возьми, свечу! Мия сможет всю ночь провести при свете! Или сжечь половину, а на вторую выменять что-нибудь – скажем, яблоко или лохань теплой воды! Хворая она, видите ли... сука!

Мия работала медленно. Чтобы вонзить лопатку поглубже, наваливалась всем телом. Когда выворачивала комок глины, шаталась, едва не валилась с ног. По вискам ее, несмотря на прохладу, скатывались капельки пота. Если бы Плакса не буравила ее неотрывным взглядом, Мия, чего доброго, села бы передохнуть. Чтобы наполнить ведро, ушел целый час... хотя под землю и сложно угадать время, но лампадки успели слегка потускнеть. Плакса подалась к вагонетке. Там, где коридор выходит на сквозное кольцо нижнего яруса, имеются три земляные ступени, отороченные дощечками. Девушка отчего-то решила, что их две. Споткнулась о третью, пребольно ударилась коленом, едва не опрокинула ведро глины. Хворая тварь, – подумала Плакса.

Зависть поселилась в ней так прочно, что за весь рабочий день, до самого обеда, Плакса не проронила ни слезинки. Собственные печали померкли на время, затененные досадой: почему новенькая захворала, а не я?! Разве мало мне досталось горя? За что, ну за что на мою голову еще и это?

Долю утешения дарила надежда: Мие, видать, совсем худо... авось, не доживет до вечера, тогда дадут в напарницы другую – не хворую. Новенькая не оправдала расчета. По крайней мере, не сегодня. Когда сестра Джен явилась прове-

ритель сделанное, Мия утирала пот рукавом, размазывая глину по лицу.

– Мало, – хмыкнула монашка.

– Она, – Плакса ткнула пальцем в виновницу.

– Помогла бы, – сестра Джен коснулась носком второй лопатки.

Плакса сцепила зубы, чтобы не выпалить лишнего. Еще и помогать ей! Конечно!..

Монашка укоризненно качнула головой. Помедлила, прикидывая: не наказать ли Плаксу?.. Но никого и никогда не наказывали за соблюдение порядка, а порядок известен: одна копает, вторая выносит. Сестра Джен махнула рукой: на сегодня хватит. Обед.

* * *

Трапеза ограждена молитвами с двух сторон – как заборам. Перед обедом приоресса Виргиния, наделенная голосом, просит Праматерь Ульяну проявить щедрость и послать сестрам холодный свет. Холодный свет – это мудрость, спокойное блаженство, тихая радость, надежда и умиротворение. Он – лучшее, что создали боги. Он – спасение души. Не горячее пламя, которое возбуждает страсти, рождает боль и смятение, терзает душу вожеланиями. И не холодная тьма, что замораживает мысли и чувства, приносит отчаяние и страх. Холодный свет соединяет в себе самое прекрасное, что толь-

ко есть в подлунном мире и на Звезде. Ульяна Печальная – властительница холодного света – готова даровать его людям! Стоит лишь попросить.

Нора всегда слушает молитвы внимательно и благоговейно. Когда позволяет священным словам войти прямо в сердце, ей неизменно делается легче. Приоресса говорит так ладно, так спокойно и с чувством, что Норе становится тепло. Кажется, сама Праматерь Ульяна гладит девушку по спине – так делала мама когда-то, очень давно. Нору переполняет щемящая нежность, хочется плакать.

Справа от нее новенькая Мия смотрит на еду голодными глазами шакала. При смерти или нет, но аппетита еще не утратила: то и дело сглатывает слюну, не может дождаться конца молитвы. Нора чувствует к ней омерзение. Будь в запасе слова, попросила бы Мию глотать потише, не портить благостную минуту.

Слева – Судейша Синди. Уверенная в себе девушка и, можно сказать, красивая. Синди – четвертая дочь младшего судьи города Клерми. Судья – не первородный, но за верную службу ему обещано пожалованье чина. Рано или поздно отец Синди делается дворянином, возможно, уже сделался – ведь Синди здесь два года, всякое могло случиться. Послушницы уважают ее. Все верят, что Судейша станет старшей сестрой: учетчицей или книжницей, или даже управительницей хозяйства. Обретет голос и право выходить на свет... Синди слушает молитву невнимательно: поигрывает

пальцами, сложенными перед грудью. Она знает наизусть все молитвы и верит, что прочла бы их куда лучше сестры Виргинии.

– С благодарностью и покоем в сердцах, приступим к трапезе, – говорит приоресса.

Мия жадно набрасывается на кашу. Нора косится на нее с презрением, Синди – с любопытством. Мия опустошает миску за три минуты. Придвигает ломтик сыра – традиционное вечернее лакомство. Смотрит на него с грустью: сейчас доест – и ничего не останется. Аж до утра.

– Возьми, – говорит сестра Джен и подает новенькой кусок хлеба с маслом.

– Благодарю вас, – с вежливым поклоном Мия берет.

Ну вот, так и знала! Чертова тьма!.. Нора кривится от досады. Зачем ей хлеб? Она же умирает, неужели не видите?! Отдать ей – все равно, что выбросить!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.